

О.А. Шайдук

ПЕРЕСМАТРИВАЯ ТОТАЛИТАРНОЕ ПРОШЛОЕ: НОВЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Yurchak A. Everything was forever, until it was no more: the last soviet generation. Princeton: Princeton university press, 2006. — 352 pp. (Юрчак А. Все казалось бесконечным, пока не закончилось: последнее советское поколение).

Существует традиция описывать советское общество с точки зрения дихотомии «тоталитаризм — демократия». Эта традиция, на мой взгляд, обусловлена большей заинтересованностью советологов первым этапом существования Советского Союза и автоматическим наложением привычных объяснительных моделей на более поздний этап. Тем не менее, практики последнего советского поколения не вполне вписываются в схему с внешним наблюдателем, карающим за малейшую провинность, и в рамках устоявшегося способа анализа означают заинтересованность индивидов в сохранении системы. Однако оценивать советскую повседневность последних десятилетий с точки зрения заинтересованности — незаинтересованности её участников не вполне познавательно. Скорее советская система воспринималась её акторами как изначально заданная, как, например, то, что мы живем на планете Земля. И, как ни странно, попыток создать новый инструмент для описания такой ситуации сделано не так много. Одной из них является исследование американского антрополога Алексея Юрчака «Все казалось бесконечным, пока не закончилось».

Книга посвящена изучению механизма двойственности знания последнего советского поколения. С одной стороны, советская система воспринималась им как неизменная, а с другой, её конец не стал чем-то невероятным в сознании людей. Они чувствовали себя вполне подготовленными морально. Данный парадокс, названный Юрчаком «лефортовским», положен в основу научной проблемы, которую пытается решить автор в ходе исследования, привлекая теорию дискурсов и обширный этнографический материал в виде дневников, интервью, писем, газетных статей и карикатур того периода, художественной литературы. Он строит теорию, объясняющую возможность сосуществования в сознании индивидов подобных противоречивых знаний.

Для объяснения данного феномена Юрчак выделяет так называемый «авторитетный дискурс» (authoritative discourse)* в советской культуре (революционный язык со множеством штампов, визуальная пропаганда, ритуалы), который постепенно становится нормальным в восприятии людей, однако теряет свою конструктивную сущность (constitutive meaning). Этот дискурс (в данном случае навязанный партией) представляет собой строгую догму, которая существует вне зависимости от других дискурсов, но в свою очередь их определяет. Так как в советском обществе не существует общего альтернативного дискурса, а «авторитетный» уже не описывает окружающую социальную реальность, то единственное, что остаётся индивидам — это искать свою собственную реальность.

* Термин М. Бахтина.

«...Since authoritative discourse did not provide an accurate constative description of reality and since no competing description of reality was widely available, one could conclude that the late Soviet world became a kind of «postmodern» universe where grounding in the real world was no longer possible, and where reality became reduced to discursive simulacra...»* (Yurchak 2006).

Эту реальность они находят в литературных и археологических кружках, в различных тусовках в «Сайгоне», «На крыше», в застольях и посиделках, в коچهгарках и котельных, везде, где отсутствует «гегемония формы», то есть авторитетный дискурс. Однако, по мнению Юрчака, этот уход от авторитетного дискурса («детерриториализация») не является протестом против системы. Об этом говорят и дискурсивные практики информантов, характеризующих диссидентов как «они» в противоположность «себе» и «своим». Тем не менее «свои» не являются и активистами партии, и, ведя себя внешне *comme il faut*, тем не менее, всегда стоят «вне» политических и идеологических вопросов, так как это является своего рода маргинальностью. «В условиях, когда система казалась неизменяемой, её откровенная критика, так же, как и её активная пропаганда воспринимались большинством представителей последнего советского поколения как нечто не просто бессмысленное, но и банальное, отдающее нездоровой политической активностью и отсутствием вкуса» (Yurchak 1997: 168).

Таким образом, чем более тщательно воспроизводится «авторитетная» форма в языке, ритуалах и других действиях, тем более конструктивные значения расходятся с формой и сдвигаются в пространстве («детерриториализируются»). Этот сдвиг порождает новые формы жизни, жизненных стилей, сообществ, воображаемых миров и видений будущего, и чем более неизменной кажется система, тем более она отличается от той, которая провозглашается. В таком виде она, по мнению автора, могла просуществовать ещё очень долго. Не только потому, что реинтерпретировалась советской молодёжью в различные альтернативные реальности, но и потому, что сама их порождала, то есть все сосуществующие дискурсы были возможны только постольку, поскольку существовал авторитетный. Так, воспринимая систему бесконечной, тем не менее, индивиды были готовы к перестройке, так как уже давно не жили системой, и новые формы уже были артикулированы в метадискурсах.

В целом я бы выделила три основных достоинства книги Юрчака: социальную значимость в смысле разрушения негативных стереотипов мышления по отношению к Советскому Союзу, теоретическую самобытность книги и этнографический интерес для постсоветского поколения.

Уже изначально интригует постановка научной проблемы. Лефортовский парадокс, заключающийся в том, что, с одной стороны, существование СССР кажется вечным, а, с другой, никто не удивляется его распаду, представляет новый ракурс рассмотрения проблемы перестройки и интересный объект социологии знания. Достойна его и интерпретация механизма действия этого парадокса, так как под давлением стереотипов Советский Союз обычно меньше всего представляется как «мир постмодерна» со множеством реальностей, нестандартностью видения и, тем не менее, социалистическими ценностями, причём, не на уровне авторитетного дискурса, а на уровне реального габитуса. Юрчак разрушает эмоциональные стереотипы серой будничности Советского Союза, обнаруживая в нём «неавторитетную» жизнь. Стоит напомнить, что автор говорит именно о тех, кто не выступал против системы, но и не был её активистом, о тех, кто был вне политики и считал её «неинтересной», однако на уровне разделения ценностей поддерживал её. Контраргументом этому может выступать обвинение автора в субъективизме,

* ... Так как авторитетный дискурс не обеспечивал точного конструктивного описания реальности и так как не было широко доступно какое-либо конкурирующее описание реальности, можно сделать вывод, что поздняя советская жизнь стала своего рода пространством постмодерна, где опора на реальный мир более не была возможна и где реальность стала сводиться к дискурсивному симулякру...

а точнее в том, что, описывая механизм ухода от системы (но не политической оппозиции), он объясняет практики не большинства, как он заявляет, а лишь небольшой части советских граждан. Тем не менее, в данном случае это в принципе не имеет значения, так как и в демократических обществах для большинства существует тот самый «авторитетный» дискурс. Возможно, он не политизирован и не идеологизирован, однако система, требующая равновесия, всегда создаёт себе подобный дискурс для выживания (будь она социалистической или капиталистической). Таким образом, пропорция следующих авторитетному дискурсу и уходящих от него примерно одинакова в любом обществе. Заслуга Юрчака, на мой взгляд, в том, что он напомнил об этом относительно Советского Союза, и в данном случае верить ему стоит даже с точки зрения логики.

Как видно из терминологии, в своей работе автор привлекает мощный теоретический материал: дискурс-анализ Фуко, «авторитетное слово» Бахтина, детерриториализацию Ж. Делёза и Ф. Гаяттери (Гваттари) (Guattari), обращается к метафорам бинарности культуры, объясняющим различные сообщества: например, упоминает разделение советской культуры Уваровой и Роговым на «официальную» и «неофициальную», различные варианты этой терминологии Джеймса Скотта (James Scott), Лизы Уэдин (Lisa Wedeen), Славоя Жижека (Slavoj Zizek), Олега Хархордина и др. Тем не менее, по замечанию Шейлы Фицпатрик (Sheila Fitzpatrick), американской исследовательницы, специализирующейся по советской и российской истории, Юрчак не использует какой-то одной теоретической концепции для объяснения поставленной научной проблемы, а строит свою, подкрепляя её авторитетными цитатами (Fitzpatrick 2006).

«...Yurchak is not writing within a particular theoretical framework. Rather, he selects whatever serves to illustrate his own ideas and insights, which seems to me preferable to selecting a theoretical template and then finding data to fit it. Yurchak, in short, has something of his own to say; he just feels that he has to legitimate it by authoritative citation...»* (Fitzpatrick 2006).

В этих словах звучит ирония, и, возможно, она не совсем беспочвенна, однако цель этой иронии — возратить академическую дискуссию о Советском Союзе в привычное русло тоталитаризма — демократии. Теоретические же находки Юрчака работают на переосмысление и постановку новых вопросов к советскому прошлому.

Наконец, третье важное достоинство состоит в интересной подборке этнографического материала. Удивляют такие находки, как дневники советского времени. Это означает, что Юрчаку удалось найти людей, которые писали дневники «на войне», сохранили их и, более того, согласились дать их прочитать.

Интересно, что примеры-метафоры неожиданно дают понимание некоторых практик старшего поколения, связанных со знанием, сформированным ещё в советскую эпоху. (В принципе, теоретически они известны, однако настоящее понимание наступает только после книги Юрчака.) Так, раньше меня приводило в недоумение чувство гордости/зависти (в зависимости от контекста) «взрослых» по поводу любых связей с «заграницей». Причём, для тех, у кого эти связи вдруг появляются (учёба, работа, супруг), принято делать вид, что они совершенно этим не гордятся, но при этом они ожидают, что собеседник завидует, и он завидует и знает, что об этом знает и первый. Если для представителей постсоветского поколения связи с «заграницей» приятны постольку, поскольку являются признанием их успеха на каком-либо рынке (научном, бизнес, брачном), то для старшего поколения сама связь безотносительно к успеху имеет значение. Однако корни этого явления становятся понятны после интерпретации Юрчаком конструкта «заграницы» как абстрактного мира, не имеющего связи с реальным и альтернативного авторитетному дискурсу.

* ...Юрчак не использует определенной теоретической концепции. Скорее он выбирает то, что иллюстрирует его собственные идеи и находки, что кажется мне лучше, чем выбрать теоретический трафарет и подбирать к нему подходящие данные. В общем, Юрчаку есть что сказать, и он чувствует необходимость легитимизировать это с помощью авторитетных цитат...

«...Zagranitsa lay at the intersection of these two attitudes toward the wider world, signifying an imaginary place that was simultaneously knowable and unattainable, tangible and abstract, mundane and exotic. This concept was disconnected from any «real» abroad and located in some unspecified place...»* (Yurchak 2006: 159).

В таком контексте трепетное отношение к «загранице» уже не кажется столь диким.

Все эти достоинства делают книгу чрезвычайно интересной, однако позволю себе и некоторые вопросы.

Задача Юрчака — описать некий случай, не вписывающийся, с его точки зрения, в привычные дихотомические рамки: давление — противостояние, тоталитаризм — либерализм, защитники системы — диссиденты. У него есть группа, которая не характеризуется предлагаемыми категориями. В связи с этим Юрчак создаёт теорию (свою дихотомию «авторитетный дискурс — альтернативный дискурс»), которая позволяет объяснить проблемную ситуацию. Но теория становится теорией тогда, когда ею можно описать более чем один случай и сравнить их, Юрчак же, объяснив столь удачно ситуацию в СССР, не предложил перспектив своей теории. Соответственно, встает вопрос, насколько действительно требуется новая терминология, включающая понятия авторитетного и альтернативного дискурсов. То, что Юрчак пытается описать, на мой взгляд, чётко укладывается в теорию тактик и стратегий Мишеля Де Серто (и он упоминает его, но в несколько ином контексте), у которого производство системы имеет две стадии, собственно производство и скрытое производство, изменённое потреблением. Де Серто исследует модели поведения людей, которых обычно считают марионетками системы, её потребителями, однако, по мнению исследователя, это поверхностный взгляд на ситуацию, и его задачей является сделать очевидными операциональные комбинации, которые не отменяют системы, но делают её функционирование по задуманному сверху плану невозможным (De Certeau 1984: XI–XII). Так, например, индейцы, не отвергая в целом навязанную испанскими колонизаторами культуру, не дали ей осуществиться: «они разрушили их (ритуалы и законы) не посредством отказа от них или их усовершенствования, а посредством использования их чуждым для системы способом...» (Ibid: XIII). В свете этого возникает вопрос, является ли альтернативный дискурс Юрчака единым и общим дискурсом? То есть не является ли как раз понятие «тактик», практик, не имеющих собственного пространства, и, соответственно, «собственной границы, отделяющей их как видимую целостность» (Ibid: XIX), более подходящим?

Юрчак пишет, что, несмотря на то, что авторитетный дискурс утрачивает своё конструктивное значение в глазах советских граждан и, несмотря на их интерес к «буржуазной» реальности (страсть ко всему заграничному: одежде, музыке, танцам, никам), они продолжают разделять ценности существующей системы и судить в соответствии с ними. Так, автор приводит отрывки интервью, в которых информанты рассказывают о своих этических дилеммах, когда, покупая заграничную одежду, они одновременно чувствовали радость от покупки, неприязнь к фарцовщикам и стыд за «контакт с этими людьми». Юрчак также рассказывает об эстетике «стёба» в СССР, практикующейся некоторыми группами (например Митьками и некрореалистами). Стёб — это «особая форма иронии, отличающаяся от сарказма, цинизма, насмешки и прочих похожих жанров абсурдного юмора»** (Yurchak 2006: 250). Его особенность в том, что он не может рассматриваться просто «как форма противостояния авторитетным символам, потому

* ...Заграница находится на пересечении этих двух отношений к более широкому миру, символизируя воображаемое место, которое одновременно и доступно, и недоступно, и реально, и абстрактно, и просто, и экзотично. Эта концепция не имела связи с «реальной» заграницей и находилась в точно не установленном месте.

** ...peculiar form of irony that differed from sarcasm, cynicism, derision, or any of the more familiar genres of absurd humor.

что ... также включает в себя чувство близости и теплоты по отношению к ним»* (Ibid). Однако если авторитетный дискурс, провозглашающий социалистические ценности, утратил своё конструктивное значение и воспринимался советскими гражданами только как форма, как произошло усвоение этих ценностей? Почему авторитетный дискурс оказался эффективным (а таковым он оказался по мнению Юрчака)? Тогда одно из двух: либо ценности в действительности не разделялись, либо дискурс был не просто авторитетным, а и имел под собой некие конструктивные значения, по крайней мере, для определенной группы людей, не попадающей при этом ни в категорию защитников системы, ни в категорию диссидентов, ни в категорию, вновь созданную Юрчаком.

В целом, работа является очень интересной и провокативной, открывая новые академические дискуссии о советском прошлом. С точки зрения социальной значимости наиболее интересна она постсоветским поколениям, так как даёт возможность почувствовать вкус времени и отчасти даже позавидовать (несмотря на стереотипы) многогранности советской жизни. С другой стороны, теоретическая концепция, выведенная на данном материале, может заинтересовать и непосредственных участников советского прошлого, которые считали Советский Союз непоколебимым и, тем не менее, не удивились его концу.

Литература

De Certeau M. *The Practice of Everyday Life*, Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1984.

Fitzpatrick S. Normal people. http://www.lrb.co.uk/v28/n10/print/fitz03_.html, 2006.

Yurchak A. *Everything was forever, until it was no more: the last soviet generation*. Princeton: Princeton university press, 2006.

Yurchak A. *Night Dances With the Angel of History: Critical Cultural Studies of Postsocialism // Russian Cultural Studies / Ed. Aleksandr Etkind*. St. Petersburg: European University Press, 2004 (in Russian).

Yurchak A. The cynical reason of late socialism: power, pretense, and the anecdote // *Public culture*. 1997. Vol. 9 (2). Pp. 161–188.

* ...as a form of resistance to authoritative symbols because it also involves a feeling of affinity and warmth toward them.